

«Руку, товарищ!»

Спектакль "Нужна трагическая актриса" в театре "Около Дома Станиславского" - одна из самых значительных, важнейших работ Юрия Погребничко.

В нынешнем сезоне режиссер доверил роль Несчастливцева Алексею Левинскому, предопределив событийность возобновления. Ведь артист одиннадцать лет не выходил на сцену. Его возвращения ждали все эти годы.

Финальная реплика "Леса": "Руку, товарищ!" материализовалась в союзе двух режиссеров. (Напомним, что в репертуаре "Около", "Конец игры" и "Скутой" Левинского, на малой сцене показывает свои спектакли его студия "Театр"). "Нужна трагическая актриса" сегодня играет в память о бессменном на протяжении многих лет исполнителе роли Несчастливцева Николае Алексееве. Это спектакль - поступок, совершить который можно лишь в чутком соавторстве.

Новый "Лес" вобрал опыт прошедших лет, в том числе и воспоминания о Гамлете, лучшей роли Левинского. Призраком отца Гамлета-Несчастливцева становится Мейерхольд. Лагерная тема, всегда звучавшая в спектакле, обретает новый смысл. Эпюд биомеханики Мейерхольда в финале напоминает о дряхлеющей истории театра поиска.

Алексей Левинский прекрасно вписался в ансамбль, его дуэт с Валерием Прохоровым - редчайшее, счастлирое совпадение индивидуальностей. Счастливец и Несчастливцев - две исконные маски театра в его русском варианте.

В одном из ближайших номеров читайте рецензию на спектакль "Нужна трагическая актриса". А пока два небольших интервью, взятых после генеральной репетиции.

Юрий Погребничко

— Что подвигло вас на возобновление этого спектакля?

— Появился актер — Левинский. Вот это и подвигло.

— Что-то новое привнесено в спектакль?

— Я не знаю — привнесено или нет. Но всегда же видишь: что-то не сделано. И когда есть возможность переделать — переделываешь. Есть такой профессиональный термин: спектакль «перемонтирован».

— Левинский — достаточно самостоятельная фигура, известный режиссер. Не было ли в работе с ним каких-то трений, противоречий?

— Если я кого-то приглашаю, то рассчитываю, что он пойдет такой, какой есть. Я ему ничего не навязывал. Может быть, у него были какие-то трения. Но Левинский — человек деликатнейший в высшей степени и не дал ничего почувствовать.

— Правда ли, что в первом варианте спектакля не было монологов Гамлета в устах Несчастливцева?

— Нет, они звучали, но их было не слышно. Актер стал громче произносить монологи и стало слышнее. Да к тому же Левинский хорошо знает "Гамлета" наизусть.

— На генеральной репетиции я наблюдал удивительную картину. На протяжении всего действия зал гомерически хохочет, а в финале многие плачут. Чем объяснить такой феномен?

— Наверное, удачной генеральной репетицией. Хороший был прогон. Но это же театр: может быть так, а может — иначе. От публики многое зависит. Хотя спектакль этот всегда хорошо шел, и в прежней редакции.

— Как, по-вашему: «Лес» — это комедия или трагедия?

— Комедия, там так и написано. Конечно, в традиционном аристотелевском смысле. Но, может быть, с небольшой натяжкой, потому что это все-таки... русская комедия. Островский очень национальный автор, его не очень-то знают вне России, он непереводим. Чтобы читать эту драматургию, нужна «национальная подготовка». Сам Островский говорил: «Читка прошла хорошо». Важно правильно читать его.

— Только после вчерашнего прогона понял, что вы «безнадежный» оптимист. После вашего спектакля наступает какой-то катарсис, очищение, и жить хочется.

— Есть, есть это у автора. Повторяю, что катарсис наступает у человека, который говорит на этом языке... на русском. И как следствие — на образном. Такое чувство возникает, когда читаешь пьесу. Универсально это или нет — вот что мне интересно. Но ответа я не знаю...

Алексей Левинский

— Ты лет десять не выходил на сцену в спектаклях других режиссеров. Что же тебя заставило изменить образ действий?

— Здесь две причины. Первая состоит в том, что мне как зрителю очень нравятся спектакли театра «Около Дома Станиславского», нравится режиссерское мышление Юрия Погребничко. Когда я перечитал пьесу, то понял, что Несчастливцев — та роль, которую мне хотелось бы сыграть, тот текст, который я хотел бы произнести вслух. Это вторая причина.

— Десять лет не играть в чужих спектаклях — это срок немалый. Твоя свободолюбивая натура не противилась режиссерскому давлению?

— Никакого давления не было. Мне в этой работе было гораздо легче, чем тогда, когда я играл в своих спектаклях в ермоловском театре или моноспектаклях по Беккету. У Юрия Погребничко я опирался на определенный режиссерский рисунок, на его «глаз» и «ухо». В этом смысле я чувствовал себя легче и гармоничнее.

— Нашел ли ты общий язык с партнерами?

— Здесь я хочу выделить прежде всего Валерия Викторовича Прохорова, который проделал со мной огромную работу. Весь предварительный «досценический» этап провел со мной именно он. Я ему очень благодарен за то, что в этот период он был терпелив и внимателен и у нас сложился необходимый партнерский контакт. Валерий Прохоров играет в спектакле две роли — Аркашки Счастливец и Гурмыжской. И та, и другая роль сыграны им удивительно. Хотя здесь нельзя, наверное, говорить «и та, и другая». В этом спектакле — это некая единая роль. Такое удивительное решение спектакля отнюдь не входит в противоречие с автором.

— Ты в первый раз играешь в пьесе Островского. Нет желания продолжить?..

— Все зависит от ситуации: места, времени, режиссера, компании. У меня нет стремления к определенным ролям. Исключение составляет только Гамлет — роль, которая для меня остается как бы точкой отсчета. Это началось еще в 11 лет, когда в театре Маяковского я впервые увидел эту пьесу. Тогда Гамлета играл Марцевич. Я пьесу тогда, даже не читал, только смотрел. Меня она поразила, поразили и персонажи. И с тех пор я пребываю в этом потрясении. И то, что здесь, в «Лесе» каким-то образом присутствует Гамлет — для меня очень важный момент.

— Спектакль вызывает самые разные зрительские реакции. Честно скажу, до сих пор какой-то комок в горле... В чем его загадка?

— Это все — дух автора. Я ведь ставил и «Воспитанницу», и «Бальзамина» и чувствовал, какой это потрясающе талантливый драматург. Одна из главных его черт — эмоциональная подвижность. Только

ты настраиваешься на комедийный лад, как вдруг «выплывают» лирические, тоскливые, грустные ноты. И они появляются непредсказуемо. В Островском тесно переплетены фарсовость и драматизм...

— Я все же надеюсь, что ты еще не единожды порадуешь нас своими актерскими работами.

— Буду стараться.

Беседовал
Павел ПОДКЛАДОВ

● Валерий Прохоров и
Алексей Левинский в
спектакле «Нужна
трагическая актриса».

Фото Михаила
ГУТЕРМАНА

143